

ТЕМНОЕ ПОЛУШАРИЕ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Темное полушарие / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-226067-4

1973 год. Кубинский руководитель Фидель Кастро прибывает в Венесуэлу для переговоров о сотрудничестве между двумя странами. Недовольные сближением дружественных латиноамериканских государств западные спецслужбы готовят покушение на кубинского лидера. О задумке ЦРУ становится известно руководству Советского Союза. Для предотвращения теракта в столице Венесуэлы направляется группа спецназа КГБ подполковника Вячеслава Богданова. У бойцов нет точных данных о месте и способе устранения Команданте. Богданов понимает, что нужно быть готовым к любому повороту событий. «Сюрприз» американцев не ставил себя долго ждать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024
ISBN 978-5-04-226067-4 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Главу кубинской мафии все звали Паррандеро. В переводе на русский язык — Весельчак. Конечно, у него было имя, данное от рождения, и все его знали. Ну а для чего ему было скрываться? Он чувствовал себя на острове уверенно, он, можно сказать, был здесь хозяином. Даже так — полномочным хозяином. Что официальные власти, что полиция? Они ничего не могли сделать с Паррандеро, да и не стремились ничего делать. У него были деньги, много денег. Очень много. А у кого деньги — у того и реальная власть. Таков закон того мира, частью которого до поры до времени был остров Куба. И никого не интересует, откуда ты добыл деньги — это еще один незыблемый закон. Чем больше у тебя денег, тем меньше у кого-то возможности и желания знать, каким путем ты их добыл. Это третий закон.

Но все же почти все знали, каким путем разбогател Паррандеро. Это, что называется, был тот самый пресловутый закон Полишинеля. Торговля наркотиками, взимание немалой дани с публич-

ных домов, коим и счета никто не ведал, — вот основные источники дохода Паррандеро. Но не только они. Были и другие источники, о которых знал лишь очень узкий круг людей. Например, пиратство в Карибском море. Еще торговля оружием.

Конечно, и пиратство, и торговля оружием — все это были действия, так сказать, несамостоятельные — вряд ли кто-то позволил бы обыкновенному, по сути, бандиту, каковым являлся Паррандеро, обогащаться таким-то образом, поэтому такое обогащение вплотную касалось политики, а бандиты политикой не занимались. Паррандеро без покровителей обойтись не мог. Они у него и были — власти соседствующих с Кубой США. Разумеется, не сами власти как таковые, а их спецслужбы, но это, по сути, было одно и то же. Именно они снабжали Паррандеро оружием, которое он затем выгодно перепродавал всяческим сомнительным «партиям», «армиям», «союзам» и «движениям». И не только им, а, по сути, всякому желающему, кто мог заплатить.

То же самое касалось и пиратства. Тут уж тем более нельзя было обойтись без высоких покровителей. Попробуй-ка поразбойничай безнаказанно вблизи границ Соединенных Штатов! Мигом уйдешь на дно со своим «веселым Роджером»! А если не на дно, то сядешь на электрический стул. Но Паррандеро и не тонул, и на электрический стул не садился... Из чего сам собою напрашивался вы-

вод о высоких покровителях, которым он был выгоден вместе со всеми своими предосудительными и кровавыми делами.

Если разобраться, он и впрямь был выгоден тем же американским спецслужбам. Остров Куба был слишком большой ценностью — в географическом, а значит, и в политическом смысле. «Непотопляемый авианосец» — это образное прозвище буквально приросло к Кубе. Да, впрочем, так оно было и на самом деле, без всякой образности. Ну а если так, очень важно, кто будет этим «авианосцем» владеть.

Что касается американцев, то владеть Кубой они желали просто-таки до самозабвения. А как, по их мнению, это можно было сделать лучше всего? Держать остров в повиновении. А как лучше всего держать его в повиновении? Погрузить в беспросветную, безнадежную нищету. Поселить там страх, отчаяние и уныние. Чтобы каждый островитянин только то и делал, что ежедневно пытался добыть для себя кусок хлеба, а еще уберечься от разномастных разбойников. В такой ситуации никто ни о какой лучшей доле думать не будет. Для этого нужно объединиться, изыскать пути и возможности. Но тяжело объединиться, когда ты голоден, когда ты опасаясь каждого встречного, когда у тебя не хватает сил для объединения. Да что там — для объединения! У тебя не хватает ни сил, ни времени, чтобы даже задуматься обо всем этом.

Борьба за ежедневный кусок хлеба — дело невыносимо тяжкое, она отнимает у человека все силы.

Вот в этом-то смысле Паррандеро и был полезен спецслужбам, а через них — и властям соседнего могущественного государства. Он держал в страхе и голоде, а значит, и в повиновении весь остров. Весь «непотопляемый авианосец», название которому было Куба. Оттого его и поддерживали, и покровительствовали ему. Известно, что нет надежнее слуги, чем злобный пес. Во всяком случае, до той поры, пока он не укусит хозяина. А Паррандеро хозяина не кусал. Возможно, этого ему и хотелось, а может, и не было такого желания — что можно разглядеть в мрачной собачьей душе?

Теперь о том, почему у Паррандеро было именно такое прозвище, а не какое-то другое. Прозвище — это ведь не просто так, на пустом месте оно никогда не возникает и обязательно что-то означает, символизирует и выражает. Если вдуматься, то прозвище — это оружие. И зачастую оно куда как действеннее, чем, скажем, пистолет или автомат. Особенно если это прозвище какого-нибудь разбойника. Бывают случаи, когда не надо стрелять ни из пистолета, ни из автомата, а достаточно лишь произнести вслух некое прозвище, и это окажет действие куда более эффективное и разрушительное, чем всякая стрельба.

Паррандеро это прекрасно понимал. Бывали случаи, когда его людей (а у него было множество

подчиненных — целая разбойничья армия) встречали кольями, ножами, а то и ружьями. Но стоило кому-то произнести слово «Паррандеро», и этого почти всегда оказывалось достаточно, чтобы страсти утихли. Потому что бесполезно, бессмысленно и смертельно опасно сопротивляться этому слову. Оно, а вернее, тот, кому оно принадлежало, в любом случае окажется сильнее. И расправится с тобой не задумываясь, так уже бывало: там-то, тогда-то, с кем-то... Страшная слава сопровождала это слово. Вот и скажите: разве прозвище — это не оружие?

И все-таки — почему «Паррандеро»? Почему «Весельчак»? Неужто носитель этого прозвища был настолько веселым человеком, что никакой иной клички нельзя было ему придумать? Скорее наоборот. Никто никогда не видел, чтобы он улыбался — во всяком случае, так, как полагается улыбаться человеку. Он не улыбался, он скалился, как скалится хищный зверь, готовясь к смертельному прыжку. Смертельному — для своей жертвы. Впрочем, даже этот оскал на его лице появлялся в редких случаях. В основном оно было угрюмо и неподвижно, со злобно-презрительной, будто приросшей гримасой. Оттого его и прозвали Весельчаком — так сказать, в противовес реальности.

Конечно же, далеко не сразу Паррандеро прибрал к рукам весь остров! Далеко не сразу стал

мрачным властелином этих изумительных по своей красоте мест. Долгое время он был, что называется, одним из многих претендентов на преступный трон, если называть вещи своими именами. На трон всегда бывает много претендентов, независимо от того, что это за трон — истинно царский или, как в данном случае, преступный. Ну а где множество претендентов — там и борьба. И побеждает в этой борьбе самый хитрый, самый изворотливый, самый коварный и жестокий. Ну и, наверное, самый умный из всех претендентов. Что значит — самый умный? А это тот, кто догадался и сумел заручиться поддержкой кого-то могущественного, кого-то такого, кого при всем желании одолеть невозможно. Ну а раз невозможно одолеть, стало быть, лучше с ним и не ссориться. Лучше быть верным псом у его ног.

Применительно к ситуации на Кубе в те годы таким могущественным властелином были спецслужбы США. Вернее сказать, само государство США, а спецслужбы являлись лишь их инструментом. Но это, разумеется, нюансы. Важно было другое. В какой-то момент представители этих самых спецслужб вышли на Паррандеро. Из множества претендентов на трон они выбрали именно его. Почему именно его, об этом никто не знал, даже не догадывался. И сам Паррандеро никогда никому об этом не рассказывал, ну а американские спецслужбы — тем более. Да, в общем, и не важно, по-

чему именно он удостоился хозяйской благосклонности. Был бы не он — нашелся бы кто-то другой, разница небольшая. Важно было то, как дальше станут развиваться события.

А они развивались стремительно и, если можно так выразиться, красноречиво. Оно и понятно: одно дело, когда ты действуешь на свой страх и риск, и совсем другое — когда ты чувствуешь чью-то покровительственную длань. Никто так никогда и не узнал, какие договоренности были у Паррандеро с американскими спецслужбами. Но вдруг, один за другим, стали исчезать конкуренты Паррандеро — такие же бандиты, как и он сам. Одного обнаружили застреленным в своем доме на окраине Гаваны, другого — тоже застреленным, но в собственном автомобиле, третий сам утонул во время купания в море, четвертый непостижимым образом отравился подаренным виски, пятый и вообще исчез без всякого следа...

Кубинская полиция почти не вникала в это кровавое хитросплетение, не проводила никаких расследований. Высоким полицейским чинам некто доходчиво объяснил, что не стоит выяснять, кто, кого и за что убил, потому что и так все понятно. Просто различные преступные банды выясняют между собой отношения. Сражаются за самые лакомые куски, выясняют, кто в конце концов усядется на преступный трон. Обычное, в общем, дело. И закончится вся эта подспудная война толь-

ко тогда, когда все они перестреляют, перетопят и перережут друг друга. Ну и кому, мол, от этого будет хуже? Никому. А вот лучше будет всем — Куба наконец вздохнет свободно. Так что не следует чрезмерно усердствовать в расследовании всех этих преступных эпизодов. Наоборот, лучше отнестись к ним с философским и гражданским пониманием — то есть подождать, когда все закончится само собой. А оно обязательно закончится, и притом очень скоро, потому что Куба — остров небольшой и богатств здесь не так уж и много. Значит, и сражаться особо не за что.

Конечно, все это были лицемерные увещевания, потому что никто, по большому счету, не думал о том, чтобы Куба вздохнула свободно. В этой игре были совсем другие ставки... Но кубинская полиция оказалась сговорчивой и понятливой. Ни одно дело, в котором так или иначе угадывались следы противостояния преступных сообществ и кланов, так и не было раскрыто.

В конце концов верх явственно стал одерживать Паррандеро. Попросту говоря, он уничтожил всех своих противников. Руками ли своих подчиненных или, может, ему в этом помогала еще и некая таинственная сила — этого, опять же, никто не знал. А просто факт оказался фактом. В конце концов из серьезных и значимых противников у него на Кубе остался лишь один — некто Луис Верде. «Луис Зеленый», если перевести на русский язык.

Конечно, это не было его настоящим именем, да, собственно, дело было и не в том, как его звали по-настоящему. Важно другое — настал решающий момент, когда должны были сойтись два самых главных претендента на трон. И один из них неминуемо должен был умереть, а другой — остаться победителем. Окончательным победителем, над которым никто не властен, за исключением, разумеется, спецслужб США.

Неизвестно, был ли и Луис Верде под покровительством этих самых спецслужб — как и Паррандеро. Возможно, что и был. Даже наверняка был — потому что всякий опытный игрок всегда делает не одну ставку, а как минимум сразу две. Две ставки означают в два раза больше шансов на победу. Хотя одна из заявленных лошадей да прибежит первой к финишу. Так, повторимся, поступает каждый опытный игрок, а уж американским спецслужбам опыта было не занимать...

Одним словом, эти-то двое — Паррандеро и Луис Верде — и сошлись в конце концов в решающем поединке. Причем сошлись в прямом смысле этого слова — лицом к лицу, чтобы окончательно выяснить отношения. Чтобы кто-то из них убил другого.

Нельзя сказать, что Паррандеро был рад такому способу выяснения отношений. Больше того, он ни под каким видом не желал этого, а предпочел бы расправиться со своим соперником по-другому.

То есть так, как он привык, как обычно расправлялся со всеми своими соперниками: выстрелом в спину из-за угла, или подсунув ему бутылку с отравленным виски, или с помощью бомбы, тайно прикрепленной под днищем авто, или каким-нибудь иным похожим способом. Ни с кем не надо сходитья лицом к лицу, да и вообще не надо ничего делать своими руками, потому что все сделают рядовые бандиты, а ему, Паррандеро, нужно лишь отдать приказ.

Но на этот раз все было по-другому. Накануне поединка с Луисом Верде у Паррандеро состоялась тайная встреча с неким типом. Он с ним встречался не раз и прекрасно знал, кто он такой и какие силы маячат за его спиной. Типа звали Сэм, но это, разумеется, вымышленное имя, проще говоря, прозвище, потому что в той игре, в которой участвовал Паррандеро, никто не называл друг друга по имени.

Так вот, они встретились, и Сэм сказал Паррандеро, что он должен убить Луиса Верде — настало решающее время.

— Давно пора, — ответил тот, и на его лице отобразился жесткий звериный оскал, обозначающий, должно быть, усмешку.

— Ты знаешь, как это сделать? — спросил Сэм.

— Придумаем что-нибудь, — ответил Паррандеро. — Дело нехитрое. Не он первый... Я дам распоряжение своим людям и...

— Э, нет! — перебил его Сэм. — На этот раз все нужно сделать по-другому!

— По-другому — это как? И почему по-другому?

— Потому что и Луис Верде помышляет о том, чтобы убить тебя. Разве ты этого не знаешь? — с ухмылкой ответил Сэм.

— Допустим, знаю, — скривился Паррандеро. — Это что-то меняет? Пусть попробует...

— Думаю, что в данный момент он размышляет над этим самым тщательным образом и тоже готовится дать распоряжение своим людям. А люди у него — такие же специалисты, как и у тебя. Не хуже и не лучше.

— И что с того?

— Ну как же, — покачал головой Сэм. — Это же понятно... Ты дашь распоряжение своим людям, Луис Верде — своим. И что в итоге? А в итоге твои люди убьют Луиса Верде, а его люди убьют тебя. А надо, чтобы остался кто-то из вас. Кто-то один. То есть или ты, или Луис Верде. Потому что при любом другом раскладе мы останемся в дураках. А мы очень этого не любим.

— Вы — это кто? — уточнил Паррандеро, хотя, собственно, и уточнять не было никакого смысла, потому что и так все было понятно.

— Мы! — жестко повторил Сэм.

И только теперь до Паррандеро начал доходить истинный смысл той игры, которую затеял Сэм, а точнее говоря, те, кто стоял за его спиной. Суть

эта была очевидна и непритязательна — как в какой-нибудь рулетке или, скажем, на ипподроме. А еще точнее — как на ринге, где сошлись два претендента на чемпионство, и один из них должен выйти победителем, а другой — проиграть; никакого иного выбора не предполагалось. Ну а те, кто будет наблюдать за схваткой, делают ставки на того или иного игрока. Так и в этой игре, которую предлагал сейчас Сэм. С той лишь разницей, что проигравший на ринге боксер останется жив, а здесь цена проигрыша была иной, и означала она чью-то смерть, и никаких иных вариантов. Либо смерть Луиса Верде, либо смерть Паррандеро. И что самое главное — у Паррандеро не было возможности отказаться от поединка. Должно быть, и у Луиса Верде — тоже, но это сейчас Паррандеро не интересовало. Его волновала его собственная судьба...

— И как вы все это видите? — спросил он.

— Все очень просто, — легко и даже беззаботно ответил Сэм.

Эта легкость и беззаботность буквально-таки взбесили Паррандеро. Ему захотелось броситься на Сэма, вцепиться ему в горло, удушить его, а быть может, даже по-звериному загрызть... Кажется, Сэм понимал такое подспудное желание, а может быть, оно читалось на лице Паррандеро — как знать. Но он ничуть не испугался, так как понимал, что ничего такого Паррандеро не сделает, его ярость — это бессильная ярость зверя, загнан-

ного в клетку и не имеющего возможности из нее выбраться. Понимал это и Паррандеро, поэтому приглушил оскал на своем лице и глухо спросил:

— Ну и на кого же вы поставили? На меня? На Луиса Верде?

— Нам, по сути, все равно, — равнодушно пожал плечами Сэм. — Пускай победит сильнейший. И мы продолжим наши отношения с победителем. Вот и все.

— А ты лично на кого поставил? — спросил Паррандеро. — Ведь поставил же? Ты — человек азартный...

На это Сэм ничего не ответил, он сказал другое:

— Все должно произойти таким образом. Вы встречаетесь с Луисом Верде в каком-нибудь уединенном месте, скажем, где-нибудь в горах или на морском побережье подальше от пляжей и отелей. Сходитесь — один на один, никто из ваших головорезов не должен маячить у вас за спинами. У каждого из вас будет пистолет. Ну и еще, пожалуй, нож. Больше никакого оружия и никаких иных прочих хитростей и уловок. А дальше, я думаю, все понятно и без моих объяснений. Один из вас должен умереть, другой — остаться живым. Вот и все.

Паррандеро был человеком жестким и циничным, но даже его невольно поразили те циничность и жесткость, которые неприкрыто звучали сейчас в словах Сэма.

— Значит, мы с Луисом Верде будем играть в «стрелялки» и «догонялки», а вы — любоваться зрелищем? — спросил он.

— В какой-то мере — да, — все так же спокойно ответил Сэм. — Тебе это не нравится? Но ведь и ты до этого долгое время играл в такие игры. Стрелял, догонял, убегал... Так в чем же дело? Остался последний рывок. Что же тебя смущает? А, кажется, понимаю... Тебе не нравится, что сейчас этим делом ты должен заняться самолично? Не твои головорезы, а ты сам? Что ж поделать? Таковы условия. А почему они таковы, я тебе уже объяснял.

— Будто два ковбоя в вашем кино, — вновь приглушенный оскал отобразился на лице Паррандеро. — Доводилось мне видеть в кинотеатрах... Да только я ведь не киношный ковбой!

— Но ты же хочешь безраздельно владеть всем островом? Хочешь быть богатым, не знать счет деньгам и прочим удовольствиям? Хочешь иметь надежных покровителей? Знаю, что хочешь. Ну так в чем же дело? Остался последний шаг. Убей Луиса Верде — и все это, о чем я говорил, у тебя будет. При этом ни с кем не надо будет делиться. Разве не об этом ты мечтал?

— У меня есть другое предложение, — после молчания произнес Паррандеро. — Убейте Луиса Верде вы. Да, вы. А я останусь жив. Я — человек надежный, не подведу.

— Никак боишься! — усмехнулся Сэм. — Ну так боязливые нам не нужны. Тем более что и Луис Верде тоже человек надежный. Он, знаешь ли, ни в чем не уступает тебе. Впрочем... — Здесь Сэм сделал нарочитую, почти театральную паузу. — Ты можешь и отказаться.

— Отказаться от чего? — не понял Паррандеро.

— От всего! — Голос Сэма внезапно стал жестким, просто-таки чеканным. — Скажи, что ты не хочешь, и все на этом закончится. Можешь даже не объяснять причину, а просто скажи, что не хочешь...

— И что будет дальше?

— Ничего особенного, — пожал плечами Сэм. — Просто сразу же после этих слов ты должен будешь сделать одно маленькое дельце — пустить себе пулю в лоб. Вот и все. Не правда ли, пустячное дело?

— А... — начал было Паррандеро.

— Изменение правил в игре не предусмотрено! — перебил его Сэм. — Больше того, оно невозможно ни в каком виде! Почему — этого я объяснить тебе не намерен! Тебе все понятно?

— Понятно, — ответил Паррандеро. Ну а что еще он мог ответить?

...А затем состоялась и та самая встреча. Хотя, если называть вещи своими именами, не встреча как таковая, а дуэль. Да-да, самая настоящая дуэль.

Должно быть, и Луис Верде каким-то образом был предупрежден об условиях дуэли, потому что прибыл на место один, без свиты и телохранителей.

Встреча состоялась на берегу моря, точнее, в глухом и безлюдном углу заброшенной гавани, куда, наверное, целых сто лет не причаливал ни один корабль. Была ночь, ярко светила луна, с моря дул мягкий ветер — таинственный и лукавый, как и всякий ночной морской ветер.

Вот в этом-то месте Паррандеро и Луис Верде и встретились, и именно оно было заранее уготовано одному из них как место последнего земного упокоения.

Встретились, остановились на расстоянии десяти шагов друг от друга, посмотрели друг другу в глаза, помолчали — каждый, вероятно, думая о своем. А впрочем, почему о своем? У каждого из них сейчас отчаянно вертелась в голове одна и та же мысль — как бы так половчее расправиться с врагом и самому остаться в живых. Именно эта мысль и владела ими, потому что они прекрасно знали, для чего встретились в этом глухом месте. И знали также, что уйти отсюда может лишь один из них...

В отличие от Паррандеро, Луис Верде умел улыбаться по-настоящему, а не скалиться холодным оскалом, подобно зверю. Он, конечно, мало чем отличался от своего соперника, но все же что-то человеческое в нем еще тлело. Улыбка у него

была искренней и задорной, даже какой-то детской, несмотря на смертельную опасность для себя.

— Ну что, красавчик, вот мы и сошлись на одной дорожке! — улыбаясь, сказал он. — Вернее, свели нас на этой дорожке. Столкнули лбами, как двух буйволов. А дорожка-то — узенькая! Уж такая узенькая, что одному из нас придется уступить.

Говоря так, Луис Верде держал правую руку на отлете на уровне бедра. Там, под цветастой рубашкой навывпуск, у него в кобуре лежал пистолет со взведенным курком. И всего-то оставалось, что выхватить этот пистолет и выстрелить. Выхватить — на мгновение быстрее, чем это сделает Паррандеро.

В той же самой позе и с таким же намерением застыл и Паррандеро. Оба караулили мельчайшие движения друг друга, и не только движения, но и взгляды, и даже вздохи. Взгляды и вздохи тоже много значили в этой нелепой, киношной, но в то же время по-настоящему смертельной дуэли.

— Слушай, красавчик, — снова заговорил Луис Верде. — А может, ну его все к дьяволу?! Может, мы просто одновременно повернемся друг к другу спинами и разойдемся, каждый в свою сторону? В конце концов, что нам делить? Куба — остров большой, так что как-нибудь договоримся. Как тебе предложение? Лично я ничуть не против такого развития событий. Умереть мы с тобой всегда успеем. Ну, так как?

Но и на это Паррандеро ничего не ответил. И не потому, что не был согласен со словами Луиса Верде. Как раз таки наоборот — он был с ними согласен. Он и сам был бы не прочь разойтись со своим врагом в разные стороны, а уж там — как получится, но понимал, что не сделает этого. Он... боялся. Во-первых, боялся Луиса Верде: а вдруг эти его слова — всего лишь хитрая уловка, и, стоит ему только повернуться к нему спиной, он тут же выстрелит... Могло ли такое быть? А почему бы и нет? Сам он столько раз стрелял другим в спину — значит, и в его спину кто-то может выстрелить. Это очень хороший способ расправиться с противником, надежный способ. Когда ты стреляешь противнику в спину, он в этот самый момент не может ответно выстрелить в тебя. Паррандеро это прекрасно знал, да и Луис Верде — тоже. Так что не следовало верить миролюбивым и, в общем-то, разумным словам, которые тот произнес.

Итак, это — во-первых, а было еще и во-вторых. Помимо Луиса Верде Паррандеро боялся еще и Сэма. Его самого или тех, кто угадывался за его спиной, — в данном случае это было неважно. А что, если Сэм или кто-то из его компании сейчас наблюдает за дуэлью? Затаились и — наблюдают? И что тогда? А тогда будет вот что: если Паррандеро и Луис Верде не будут стрелять друг в друга, то в них выстрелит Сэм из своей засады — в кого-то одного из них или сразу в двоих. Скорее всего, все